

Как только Каака пришел вместе с ними во дворец Зеленого нефрита, он сразу же куда-то убежал. Чжо Хуа не стал удерживать его при себе, потому что Каака был очень смысленным и быстрым. Даже если он столкнулся бы с какой-нибудь опасностью, то все равно смог бы легко убежать.

Услышав, что Каака зовет его к себе, Чжо Хуа определил его местоположение и поспешил найти его.

Цин Юнь и Нань Чэнь последовали за ним, хотя им было неизвестно, что произошло.

Чжо Хуа встретил Кааку на кухне. Как только Каака увидел Чжо Хуа, он сразу же бросился к нему на руки с невнятным бормотанием.

— Хозяин, там... что-то есть... внутри той большой бадьи с водой.

Каака только что явился на кухню, чтобы поискать чего-нибудь съестного, наподобие куриной ножки. В прошлый раз ему пришлось бросить куриную ножку, даже не съев ее наполовину. Но на этот раз Каака не нашел ничего вкусного, но зато услышал, как из бадьи раздается необъяснимо странный звук.

Чжо Хуа проследил за взглядом Кааки. Бадья для воды была накрыта крышкой, придавленной сверху тяжелым камнем. Изнутри бадьи слышался какой-то стук.

Однако внутри не чувствовалась аура живого существа, а ведь даже призраки обладали своей особой аурой. Это испугало Кааку.

Цин Юнь осторожно шагнул вперед и снял с крышки камень. Скорее всего, внутри услышали произведенный им шум, и в бадье стало тихо.

Цин Юнь медленно приподнял нижний край крышки, а затем резко столкнул ее.

В его руке возник плотный шар духовной силы, которым он приготовился атаковать бадью.

Но как только Цин Юнь поднял руку, он увидел то, что находится внутри бадьи, и застыл.

— Ребенок?

Чжо Хуа и Нань Чэнь вышли вперед, а Каака запрыгнул на плечо Цин Юня.

В бадье для воды сидел мальчик семи или восьми лет. Его маленькое личико выглядело таким же милым и очаровательным, как у нефритовой куклы. Он смотрел на них большими влажными глазами.

Мальчик некоторое время моргал, рассматривая внезапно появившихся перед ним людей. Через несколько секунд он разразился слезами.

Спустя десять минут.

— Уа... уа...

Все трое людей смотрели на него в крайнем замешательстве, не зная, что делать.

Через некоторое время Цин Юнь протянул руки к малышу и сказал:

— Иди сюда, дядюшка обнимет тебя.

Ему доводилось видеть, как тетушки на кухне их секты обращаются со своими внуками, поэтому решил, что ему тоже так нужно поступить.

Но когда мальчик увидел протянутые к нему руки, он съежился и заплакал еще громче.

Нань Чэнь почувствовал, что больше не может терпеть этот плач и строго сказал:

— Плакать нельзя.

Плач резко оборвался, и все присутствующие наконец-то вздохнули с облегчением. "Слава богу, наконец-то он перестал плакать".

— Уа... уа...

Через несколько секунд мальчик снова разрыдался.

Увидев, что его спутники потерпели неудачу, Чжо Хуа протянул руку, чтобы поднять мальчика, но тот сразу же ударил его.

Опасаясь ранить мальчика, Чжо Хуа не воспользовался духовной защитой, поэтому на тыльной стороне его руки сразу же появилась красная отметина.

— Наставник!

— Все в порядке, это всего лишь шлепок ребенка.

Маленький мальчик все еще продолжал плакать, и это вызывало у всех троих сильное беспокойство. Каака запрыгнул на плечо Чжо Хуа и спросил:

— Хозяин, что же нам делать?

"Если бы я знал, что наткнусь здесь на такие проблемы, то не стал бы приходить сюда в поисках еды".

— Понятия не имею, — ответил Чжо Хуа, рассматривая мальчика в бадье.

"Поскольку я нашел его, то не могу оставить его здесь одного. Кроме того, он сейчас является единственной ниточкой в деле о массовых убийствах во дворце Зеленого нефрита.

— Смотри, хозяин! Он перестал плакать.

Они увидели, что маленький мальчик уставился на Кааку своими большими влажными глазами и, всхлипывая, произнес:

— Я хочу этого щенка.

Как только Каака услышал, что мальчик назвал его собакой, он мгновенно рассвирепел.

"Сам ты собака! Я великолепный и могущественный лигр, а вовсе не какое-то низшее существо вроде собаки".